

И. А. Качков
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

«БРИГАДИР» В. Ф. ОДОЕВСКОГО И «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА» Л. Н. ТОЛСТОГО: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ¹

***Аннотация:** Автор статьи сопоставляет новеллу В. Ф. Одоевского «Бригадир» и повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», поскольку в них присутствует явная интертекстуальная перекличка. Кроме выявления общих черт, автор также сосредоточен на различиях этих произведений, что позволяет прояснить авторскую позицию каждого из писателей. Контраст между новеллой Одоевского и повестью Толстого делает очевидной разницу авторских интенций и культурных парадигм, в контексте которых эти произведения создавались.*

***Ключевые слова:** В. Ф. Одоевский, Л. Н. Толстой, «Бригадир», «Смерть Ивана Ильича», интертекстуальный диалог.*

О связи новеллы В. Ф. Одоевского «Бригадир» и повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» литературоведению уже известно. Однако принято просто констатировать тот факт, что такая связь существует. Например, Е. А. Маймин отмечал: «Сюжет “Бригадира” отчасти предваряет сюжет повести Л. Толстого “Смерть Ивана Ильича”. Как и у Толстого, в новелле В. Одоевского говорится о жизни заурядного человека, лишенной высокого нравственного смысла и заполненной от начала до конца ложью» [Маймин, с. 269]. Аналогичную связь находят и между «Сильфидой» В. Ф. Одоевского и «Черным монахом» А. П. Чехова. Но что дает науке сугубое обозначение

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

этих связей без их серьезного анализа? Подобные интертекстуальные переключки – это прекрасная возможность увидеть, как на одном материале по-разному раскрывается талант и оригинальность художественного мышления писателей. Можно изучить специфику времени, творческих установок и даже увидеть, как при смене культурных парадигм смещаются акценты, расставленные авторами. Попробуем показать это конкретным сопоставлением.

Новелла В. Ф. Одоевского «Бригадир» впервые была напечатана в сборнике «Новоселье» вместе с новеллой «Бал» в 1833 году, хотя П. Н. Сакулин отмечает, что автограф «Бригадира» был найден еще в 1832 году в альбоме Юрия Никитича Бартенева, но тогда произведение еще называлась «Русский Пиранези» [Сакулин, с. 208]. Затем новелла попала в книгу «Русские ночи», которая увидела свет в 1844 году.

Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» была опубликована в 1886 году и, согласно примечаниям В. Я. Линкова, «в повести отразилась жизненная история Ивана Ильича Мечникова, прокурора Тульского окружного суда, умершего 2 июня 1881 года от тяжелого заболевания» [Линков, с. 460]. Это подтверждается свидетельствами современников. Прямых указаний на то, что Толстой использовал и как-либо перерабатывал новеллу Одоевского, нет, хотя можно предполагать, что «Русские ночи» были известны Толстому. Следовательно, перед нами два возможных варианта: либо это сознательная переработка новеллы, интертекстуальный диалог¹ (Ю. М. Лотман в отношении И. А. Бунина называл это явление «переписыванием» сюжетов [Лотман, с. 181]), либо это непреднамеренная интертекстуальная переключка.

Нельзя не обратить внимание на очевидную схожесть композиции этих произведений. И новеллу, и повесть можно разделить на две части: сначала нам показывают равнодушное отношение к покойному со стороны его окружения, а затем следует основная часть, которая является ретроспекцией – это история жизни и смерти героя. Эта часть более обширна по объему (в «Бригадире» это примерно две трети текста, в «Смерти Ивана Ильича» – 11 из 12 глав).

Очевидна переключка фабулы: у Одоевского герой вспоминает похороны, на которых к покойному проявляется полное равнодушие, близкое даже к пре-

¹ Подробнее об этом явлении можно прочитать в сборнике статей «Диалоги классиков – диалог с классикой». Екатеринбург, 2014.

зрению. Затем к герою приходит сам мертвец и рассказывает свою историю, желая доказать, что и он заслуживает сочувствия. У Толстого мы видим похожую ситуацию: ««Каково, умер; а я вот нет», – подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и о том, что теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования» [Толстой, с. 55]. Герой Толстого – Петр Иванович – тоже ради исполнения формальностей приходит на панихиду (Иван Ильич был его другом), но первым же ее покидает и едет играть в карты.

История жизни покойного в обоих случаях начинается с описания детства. Мы узнаем особенности воспитания, видим становление характера и понимаем, что во многом именно окружение сформировало их личность. Герой Одоевского воспитывается в лицемерии, родители и учителя заставляют его говорить не то, что он думает, обучают словам, значение которых сами не понимают. «Когда я осмеливаюсь сделать какое-нибудь возражение – это называют неповиновением родительской власти; когда мне случайно удастся выговорить мысль, которую я не слышал ни от бабушки, ни от матушки, – это называют вольнодумством. Меня бранят и грозят мне за все, за что бы должно хвалить, и хвалят за все, за что бы должно бранить» [Одоевский, с. 41]. Учеба ему не дается, поэтому он рад скорее выйти на службу.

У Толстого Иван Ильич более успешен в учебе, но и у него постепенно стирается понимание, что в жизни правильно, а что нет: «Были в Правоведении совершены им поступки, которые прежде представлялись ему большими гадостями и внушали ему отвращение к самому себе в то время, как он совершал их; но впоследствии, увидав, что поступки эти были совершаемы и высоко стоящими людьми и не считались ими дурными, он не то что признал их хорошими, но совершенно забыл их и нисколько не огорчился воспоминаниями о них» [Толстой, с. 63].

Оба героя не знают, что такое настоящая любовь. Они женятся, потому что так надо. У Одоевского: «Все женятся. Надобно жениться и мне. Вот я женат» [Одоевский, с. 41]. У Толстого: «Сказать, что Иван Ильич женился потому, что он полюбил свою невесту и нашел в ней сочувствие своим взглядам на жизнь, было бы так же несправедливо, как и сказать то, что он женился потому, что люди его общества одобряли эту партию. Иван Ильич женился

по обоим соображениям: он делал приятное для себя, приобретая такую жену, и вместе с тем делал то, что наивысше поставленные люди считали правильным» [Толстой, с. 66]. В обоих случаях семейная жизнь становится кошмаром из-за постоянных ссор между мужем и женой – их взгляды ни в чем не сходятся. Однако светские приличия остаются превыше всего, поэтому семьям приходится изображать, что у них все хорошо. Лишь однажды Иван Ильич «в сердцах что-то упомянул о разводе» [Там же, с. 75].

Оба героя успешны на своей службе, оба берут все новые чины, но затем случается некая болезнь. Одоевский совсем никак не поясняет, что это за болезнь, а Толстой вводит немало реалистичных деталей: Иван Ильич «чтобы показать непонимающему обойщику, как он хочет драпировать, оступися и упал, но, как сильный и ловкий человек, удержался, только боком стукнулся об ручку рамы» [Там же, с. 74]. Это привело то ли к болезни кишки, то ли отрыву почки – это остается загадкой, потому что врачи дают герою противоречивые ответы. Но результат один в обоих случаях: болезнь оборачивается пониманием, что приближается смерть – и она неизбежна.

Осознание смерти пугает героев, они хотят жить, они хотят, чтобы им сочувствовали, жалели их.

У Одоевского: «Я жаждал взора, который бы отрадою сочувствия пролился в мою душу, – и встретил лишь насмешливое презрение на лице твоём!» [Одоевский, с. 44].

У Толстого: «мучительнее всего было для Ивана Ильича то, что никто не жалел его так, как ему хотелось, чтобы его жалели: Ивану Ильичу в иные минуты, после долгих страданий, больше всего хотелось, как ему ни совестно бы было признаться в этом, – хотелось того, чтоб его, как дитя больное, пожалел бы кто-нибудь. Ему хотелось, чтоб его приласкали, поцеловали, поплакали бы над ним, как ласкают и утешают детей» [Толстой, с. 92].

И самое главное – оба героя начинают «думать». Они начинают понимать, что все это время жили неправильно. Им хочется все изменить, прожить иначе.

У Одоевского: «О, каким языком выразить мои страдания! Я начал думать! Думать – страшное слово после шестидесятилетней бессмысленной жизни! Я понял любовь! любовь – страшное слово после шестидесятилетней бесчувственной жизни! И вся жизнь моя предстала мне во всей отвратитель-

ной нагоде своей! <...> И все минуты моего существования, затоптанные в бессмыслии, приличиях, ничтожестве, слились в один страшный упрек и жгучим холодом обдавали мое сердце!» [Одоевский, с. 44].

У Толстого: «Ему пришло в голову, что то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что он прожил свою жизнь не так, как должно было, что это могло быть правда. Ему пришло в голову, что те его чуть заметные поползновения борьбы против того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошим, поползновения чуть заметные, которые он тотчас же отгонял от себя, – что они-то и могли быть настоящие, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его устройства жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы – все это могло быть не то. Он попытался защитить пред собой все это. И вдруг почувствовал всю слабость того, что он защищает. И защищать нечего было» [Толстой, с. 104].

«– Да, все было не то, – сказал он себе, – но это ничего. Можно, можно сделать “то”. Что ж “то”? – спросил он себя и вдруг затих» [Там же, с. 106].

Помимо очевидных сходств в фабуле и композиции можно выделить и немало принципиальных различий, которые подчеркивают разный подход писателей. Прежде всего, различия обусловлены жанровой природой произведений. Одоевский создает новеллу, а Толстой – повесть, и это объясняет разницу в темпе повествования, количестве персонажей и событий.

Для новеллы «Бригадир» Одоевский выбирает персонифицированную форму повествования: есть рассказчик, который был свидетелем похорон. Затем, когда к рассказчику приходит сам покойный, повествование уже переходит к нему. Покойный сам рассказывает о своей жизни и смерти, а описываемые события предстают в виде театра теней (то есть он не столько рассказывает, сколько комментирует), после чего финал – последний абзац – снова возвращается первому рассказчику. При этом и рассказчик, и покойный обезличены и довольно условны (у них нет ни только имен, но и описания внешности, мы не знаем ни места, ни времени действия), что приближает новеллу к некоей поучительной притче, которую без особых трудностей можно оторвать от конкретного хронотопа.

Повесть Толстого, помимо очевидной реалистичности фабулы, отличается aukториальным повествованием (обо всех событиях мы узнаем от всезнающего повествователя) и большей конкретикой, большим количе-

ством деталей. Нам известны все имена героев, гораздо больше внимания уделено болезни героя, его взаимоотношениям с окружающими. Толстой не усложняет восприятие произведения, как это делает Одоевский, а наоборот – избирает простую ретроспекцию, сохраняя привычное повествование.

Произведения отделены друг от друга более чем на 50 лет. Одоевский, писавший новеллу под явным влиянием романтизма, добавляет в произведение не только мистическое явление мертвеца, но и возводит «прозревшую» личность покойного до уровня настоящего романтического героя – одинокого, сильного, осознающего, что есть пошлый мир притворства, из которого он вышел сам, и мир настоящей мысли и настоящего чувства, куда он все-таки смог попасть. Его последние слова, обращенные к рассказчику, уже звучат гордо: «Теперь, если хочешь, не сожалей обо мне, не плачь обо мне, презирай меня!» [Одоевский, с. 44]. Тогда происходит перемена и в самом рассказчике – в последнем эпизоде описывается, как он плачет на могиле – в нем тоже появились настоящие чувства.

Толстой, избегая мистики, но наполняя художественный мир деталями, оставляет героя наедине со своими страданиями – ни при жизни, ни после смерти Иван Ильич не раскрывает свои чувства, зато перед читателем предстает вся его душа: все то, что скрывает герой даже от себя самого. Если Одоевский предлагает нам готовую поучительную и обличительную исповедь, то Толстой позволяет проследить со стороны все перемены в душе героя, все разрывающие его противоречия: это и безразличие к болезни, и вера в лекарство, и желание использовать сразу все доступные методы лечения, отчаяние, злость на окружающих за то, что они не хотят его пожалеть, за их ложь, за то, что они живые и здоровые, а его ждет смерть, он испытывает ощущение одиночества, страха, желание скорее умереть и желание прожить как можно дольше.

Одоевский предлагает ситуацию, но еще не ставит себе задачу углубиться в сложность человеческой души. Он обличает пошлое общество, в котором нет правды и искренности (и в этом плане не зря новеллы «Бригадир» и «Бал» всегда находились рядом: и в сборнике «Новоселье», и в книге «Русские ночи» – они идейно продолжают друг друга). Миру нужно преобразиться – и рассказчик, который в финале проявляет настоящие чувства и плачет на могиле, доказывает, что такое преобразование возможно.

У Толстого преобразование коснется только Ивана Ильича, и этот опыт герой уже не сможет никому передать – каждому придется обрести его самостоятельно. Если Одоевский моделирует условную ситуацию смерти и прозрений человека в свете приближающейся смерти, то Толстой поступает иначе – он делает историю предельно конкретной и личной, но при этом она все равно касается каждого.

Таким образом, различие между интенциями Одоевского и Толстого становится очевидным. Оставаясь в рамках одной фабулы, писатели использовали совершенно разные подходы к созданию произведения – свои собственные именно им.

Список литературы

Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 316 с.

Линков В. Я. Комментарии Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Худ. лит., 1982. – Т. 12: Повести и рассказы. 1885-1902 гг. – С. 459-463.

Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина: (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александрия, 1993. – Т. 3. – С. 172–184.

Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. – Ленинград: Наука, 1975. – С. 247-276.

Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. – Ленинград: Наука, 1975. – 320 с.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель: Т. 1, ч. 2. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. – 480 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Худ. лит., 1982. – Т. 12: Повести и рассказы. 1885-1902 гг. – 478 с.